

RU

Специфика трактовки флорообраза «подснежник»
в поэзии символизма (К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев)

Хетагурова Д. К.

Аннотация. Цель работы - определение авторской коннотации и традиционного семантического фона флоронима «подснежник» в поэтике символизма на примере стихотворений К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба и А. И. Токаева. Научная новизна статьи состоит в разработке идеи о специфической трактовке гипонима «подснежник» в символическом дискурсе с точки зрения модернистского мировосприятия; впервые в истории русского и осетинского литературоведения совместно анализируются тексты выбранных авторов о первом весеннем цветке. В результате исследования выявлена как общность в трактовке образа подснежника (надежда, отвага), так и его сугубо индивидуальное смыслонаполнение: божественная проекция, неомифологизм, двойственность.

EN

Specifics of Interpretation of the Flora Image “Snowdrop”
in Symbolist Poetry (K. D. Balmont, F. K. Sologub, A. I. Tokayev)

Khetagurova D. K.

Abstract. The aim of the work is to determine the author’s connotation and the traditional semantic background of the floronym “snowdrop” in the poetics of symbolism, using K. D. Balmont’s, F. K. Sologub’s and A. I. Tokayev’s poems as examples. Scientific novelty of the paper lies in developing the idea of a specific interpretation of the hyponym “snowdrop” in symbolic discourse from the viewpoint of the modernist worldview; it is the first time in the history of Russian and Ossetian literary studies that the texts of the selected authors about the first spring flower are being analysed together. As a result of the research, both commonalities in the interpretation of the image of the snowdrop (hope, courage) and its purely individual semantic load (divine projection, neo-mythologism, duality) have been identified.

Введение

Актуальность научной работы заключается в необходимости углубленного изучения межлитературных связей русского и осетинского искусства начала XX века с целью определения закономерностей, повлиявших на пути развития российской культуры XXI века; в рассмотрении концептосферы символизма с точки зрения характера слияния имманентных и суггестивных пластов восприятия, что, в свою очередь, важно для исследования вопросов преемственности современного литературного процесса.

Для успешного достижения цели исследования ставятся следующие задачи:

- 1) выявление традиционных и авторских трактовок флоросимвола «подснежник» в анализируемых произведениях;
- 2) дефиниция антропоморфных характеристик в символической репрезентации фитонима «подснежник»;
- 3) сравнение и определение общих элементов формирования флорознака «подснежник» в стихотворениях Ф. К. Сологуба, К. Д. Бальмонта и А. И. Токаева.

В статье применяются такие методы исследования, как сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой явились труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению флоросимволики в фольклоре и художественной литературе (Веселовский, 2010; Красиков, 1990; Метерлинк, 2022; Золотницкий, 1991; Горбовская, 2011; 2015; Моложавенко, 1993; Легенды и мифы о растениях, 2014).

Источниками иллюстративного материала в исследовании послужили произведения К. Д. Бальмонта (Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книговек, 2010. Т. 3. Т. 6; Бальмонт К. Д. Цветы // Бальмонт К. Д. Зарево зорь. М.: Грифь, 1912); Ф. К. Сологуба (Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Интелвак, 2003. Т. 7); А. И. Токаева (Токаты А. Уацмыстае. Орджоникидзе: Ир, 1973).

Практическая значимость результатов исследования заключается в научно-методологической и прикладной сфере, где они могут использоваться для написания глав учебников и лекционных курсов по истории осетинской и русской литературы XX века для филологических факультетов Республики Северная Осетия – Алания.

Основная часть

Символика цветов играет огромную смыслообразующую роль в структуре многих художественных произведений, как справедливо отмечает известный русский историк литературы А. Н. Веселовский (2010), без нее «не обошлась ни одна народная или художественная поэзия» (с. 340). Издревле флорознаки привлекали людей искусства емкой образностью, в трактовке которой раскрывался талант автора. Цветы – «участники жизни человека от его рождения до последнего вздоха» (Волшебный мир цветов, 1997, с. 4), они играли значительную роль «и в войнах, и в пиршествах, и в торжественных погребальных процессах, служили для украшения алтарей и жертвоприношений, являлись волшебными и целительными травами, являлись охранителями домашнего очага и домашних животных и т.д.» (Золотницкий, 1991, с. 8). В мировой литературе существуют вечные образы флорообразов от «Аленького цветочка» С. Т. Аксакова, «Голубого цветка» Новалиса, «Цветов зла» Ш. Бодлера до «отвратительных, тревожных желтых цветов» М. А. Булгакова и одинокой розы Маленького принца А. де Сент-Экзюпери.

Для поэзии символизма концептосфера «Цветы» – важная составляющая как в эстетике в целом, так и в индивидуальном, авторском микрокосмосе. Связано это в первую очередь с архетипичной коннотацией: цветок – древнейший культурный знак, способный быть семантически актуальным в любую эпоху. Для искусства рубежа XIX-XX веков трактовка фитонимов как средоточия идеала красоты, вечного творческого порыва, духовного совершенства и божественного благословения отвечала основам эстетики символизма, где каждый автор – избранник, маг и теург жизни, проникающий в суть всех явлений, своим талантом тождественен Богу. Цветы идеально «отражают все стадии духовных, религиозных, эстетических, поэтических и философских поисков поэта» (Горбовская, 2011, с. 25). Символистам импонировала также сакральность и трансцендентность флорообразов, которые «владеют тайной мира, и каждый цветок, будь это нежный ландыш или ядовитая орхидея, равен Богу» (Бальмонт, 2010, т. 6, с. 289-290). Так и человек искусства отмечен невидимой печатью, он умеет глубоко чувствовать и «все подает ему таинственную весть, священный смысл которой он постигает сердцем; и тогда, словно дух Божий, нисходит на него дар зримо выражать это постижение в своих творениях» (Гофман Э. Т. А. Церковь иезуитов в Г. / пер. с нем. И. Стебловой // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1994. Т. 2. Эликсиры дьявола. Ночные этюды. Ч. 1. С. 387).

Предметом нашего исследования станут стихотворения: «Под кустами...» (1898) Ф. К. Сологуба (1863-1927); «Кузов» из сборника «Белый зодчий» (1914) К. Д. Бальмонта (1867-1942) и «Малусæг» («Подснежник») (1919) А. И. Токаева (1893-1920), в которых представлены разнообразные трактовки флорознака «подснежник» в лирике символизма.

Подснежник – один из древнейших цветов на земле, что нашло отражение в мифах, легендах и преданиях. Его появление отождествляется с началом бытия в целом: «...одна снежинка, сказывают, будто бы рискнула превратиться в цветок, чтобы своим теплом согреть землю. <...> Подснежник согрел землю, и на ней появилась жизнь» (Моложавенко, 1993, с. 110). А по библейской легенде, «когда Адам и Ева были изгнаны из рая, шел сильный снег, и Еве было очень холодно. Тогда, желая согреть ее своим вниманием, несколько снежинок превратилось в цветы. Увидев их, Ева повеселела, у нее появилась надежда, потому подснежник и стал символом надежды» (Красиков, 1990, с. 217).

Первые цветы весны, похожие на снег, имеют неизменную семантическую составляющую: светлая вера в будущее, смелость, победа добра над злом, невинность. Хрупкие, белые комочки – символ отчаянной храбрости, они «первыми вступают в единоборство с суровой зимой» (Красиков, 1990, с. 217). Подснежник, как и многие цветы в фольклорных, мифологических традициях, имел человеческое воплощение (румынская легенда о юноше, сразившимся со Змеем и освободившим Солнце). В свою очередь, в литературе конца XIX – начала XX века наделяние флорообразов антропоморфными качествами стало необычайно актуальным с учетом специфики времени и повышенного внимания к внутреннему миру автора, персонажа, лирического героя.

Так, в стихотворении Ф. К. Сологуба «Под кустами...» можно проследить проекцию сокровенных переживаний автора в живом сознании подснежника, способного к мышлению и рефлексии:

«Под кустами
Снег лежит,
Весь истаял
и сквозит.

Вот подснежник
Под ольхой, –
Он в одежде
Голубой.

Для чего ж он
Так спешит?
Что тревожит?
Что томит?» (с. 454).

Произведение Ф. К. Сологуба отличается обманной простотой, легкостью рифмовки и неожиданной открытой, вопрошающей концовкой. Автор бросает читателя на сказочном перепутье, заставляет задуматься над ответами.

Год написания текста – 1898, рубеж XIX-XX вв., период сонма философских, религиозных, социальных и культурных вопросов. Поэтому и подснежник Ф. К. Сологуба наделяется чувствами, переживаниями декадентской личности: встревоженной, неуверенной, задумчивой, томящейся, находящейся на перекрестке хаотичных дорог, «ведущих или не ведущих к центру» (Павич. М. Шляпа из рыбьей чешуи / пер. с серб. Н. Вагатовой // Павич. М. Стеклопанная улитка. Новеллы и пьеса из интернета. СПб.: Азбука, 2000. С. 31). Эти характеристики свойственны для образа лирического героя поэзии Сологуба в целом:

«И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих братьев каждый,
Всё так же бледен, тих и слаб,
Всё тою же томлюсь я жаждой» (с. 499).

Субъект лирики Ф. К. Сологуба – типичный человек переходного времени, эпохи перемен, когда все устои рушились, «Бог умер», а дух перестал быть опорой, по точным словам классика бельгийского символизма М. Метерлинка (2022): «...мы очутились без крова, под неожиданным небом, не отдающим больше никаких приказаний» (с. 290). Неуверенность – основа новой личности, воплощенной в образе мятущегося и тревожного подснежника-декадента Сологуба.

Дополняет антропоморфную сущность нежного цветка и то, что он одет в одежды голубые, а цвет этот «ассоциируется с божеством во всех мифологиях... символизирует духовность, созерцание, пассивность» (Жюльен, 1999, с. 456). Тем самым божественная чистота и святость – еще одна составляющая в визуализации человекоподобного «подснежника» Ф. К. Сологуба.

В стихотворении К. Д. Бальмонта «Кузов» первый цветок весны представлен как флорознак эгоцентричной идеосферы автора, когда лирическое «Я», по аналогии с библейской притчей, поднимается до уровня Создателя (Сеятеля) и взращивает ростки жизни (слова-откровения):

«Я в дремучем лесу,
Где и днем полутьма,
Кузов полный несу,
В нем заснула Зима.
Как я шел ввечеру,
Проходил я холмом,
Там на самом юру
Вижу снежный я ком.
От Зимы ото всей
Он один не хотел
Под пригревом лучей
Свой исчерпать предел.
И смотрел он врагом,
И дышал как мороз.
Тут я взял этот ком,
В лес дремучий понес.
И из полной сумы, –
В разум смысла набрав, –
Я кусочки Зимы
Разбросал между трав» (т. 3, с. 450-451).

Христос в Библии – сеятель просвещения божьего, а пробившиеся семена – это души тех, кто способен его принять: «...посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и понимающего» (Мф. 13:19-23). В данном стихотворении поэт отождествляется с Богом, ибо и он рассказывает снежные комья, из которых вырастают подснежники («в разум смысла набрав»).

Элемент традиционной трактовки флорообраза «подснежник» в тексте К. Д. Бальмонта – белые горошинки, которые «приходят к нам прямо из царства вьюг и снега» (Моложавенко, 1993, с. 110). Подснежник – цветок зимы как у Бальмонта, так и в фольклорной традиции: «...когда Земля впервые окуталась снегом, ей очень не хватало зеленой травы, цветов и прекрасных растений. И тогда белый подснежник достался зиме и колкому снегу, как предвестник уходящих морозов. Подснежнику снег так обрадовался, что и позволил цвести прямо под своим холодным покрывалом» (Легенды и мифы о растениях, 2014, с. 384).

Воспринимать стихотворение К. Д. Бальмонта можно и как авторскую легенду о возникновении самого первого подснежника: Сеятель из дремучего леса принес комочек, который не хотел истаять под светом солнечных лучей: «...смотрел он врагом / И дышал как мороз», пока не попал в мистический кузов Творца. Отнятый у зимы, подснежник наделяется негативной коннотацией, сравниваясь с противником весны и солнца.

Добро и зло равнозначно питают двойственную сущность подснежника Бальмонта по аналогии и с его природной сущностью (прекрасный, нежный цветок обладает чрезвычайно ядовитыми луковицами и семенами).

В финальных строфах произведения К. Д. Бальмонта вносится дополнительная религиозная коннотация флорообраза: шестилепестковый цветок становится аллегорическим воплощением Серафима:

«И куда ни падет
Этот снежный комок, –
Тотчас нежно цветет
Белоснежный цветок.
Так я ландыш взрастил,
Так подснежник раскрыл, –
И из мертвых могил
Ангел встал шестикрыл» (т. 3, с. 451).

Последний акт откровения – итог божественного сеяния, когда семя взросло из смертельного мрака «в стремлении победить высотой роковую тяжесть глубины... изобрести или приманить к себе крылья... дотянуться до другого царства» (Метерлинк, 2022, с. 218). Поэт-Творец-Сеятель-Создатель К. Д. Бальмонта из кусочка зимы взрастил белокрылый цветок – Серафима, который огнем зарождающей жизни освобождает землю от снега и холода. Подснежник, пройдя своеобразный акт инициации из мертвенной тьмы, преобразуется в воплощение духовной силы, в ярчайший свет высшего из ангельских чинов – Серафима.

Флоросимволика проходит лейтмотивом чрез все творчество осетинского поэта А. И. Токаева (роза: «Розæ» («Роза»), «Дзæбæх розæ нæ тархъæды нæ зайы...» («Хорошая роза в нашем дремучем лесу не растет...»); мак, фиалка «Фиалкæ» («Фиалка»), «Фиалкæйы тæф» («Запах фиалки»); «Дидинджытæ» («Цветы»)), где множественные смысловые отражения заключены в каждом цветке. Так, своеобразную семантическую матрешку традиционного и авторского смыслонаполнения представляет собой фитознак «подснежник» в одноименном стихотворении Токаева:

«Сусæгæй уалдзæг æрулæфыд зæхмæ,
Сусæгæй зæхмæ æрдымдта йæ тæф.
Фæлмæн тæф ацыди зæххæй дæлдзæхмæ,
Уазал уыд, уазал уæддæр ма уæлдæф.

Быдыр цæгæр сæрау хъулон фæдардта,
Ранæй-ран урсæй лæууыди ма мит.
Малусæг митæй йæ буц сæр ысдардта,
Малусæг фехъуыста уалдзæджы 'хситт.

Малусæг митæй нæ тарсти, нæ сыди,
Уазалы митимæ тарф уый хæцыд.
Уалдзæджы цинæй-иу бонгай рæзыди,
Хъалæй, фырбуцæй уый Рухсмæ фæцыд.

Рухсмæ йæ буц сæр уый митæй ысдардта,
Хурмæ бæллыди 'мæ Рухсы цæры.
Малусæг Рухсы йæ мæлæт ыссардта –
Хурæй мæлы» (ф. 172).

Тайком весна дохнула на землю,
Тихонько на земле повеял ее запах.
Нежный запах проник с поверхности земли в ее глубину,
Но холодно было, все-таки еще воздух был холоден.

Поле как плешивая голова пестрело,
Кое-где белым еще выступал снег.
Подснежник из-под снега свою изнеженную голову поднял,
Подснежник услышал весны свист.

Подснежник снега не боялся, не замерзал,
С холодным снегом он тяжело сражался.
Радуясь весне, изо дня в день рос,
С гордостью, с самодовольством он к Свету шел.

К свету свою изнеженную голову из-под снега поднял,
К Солнцу стремился и в Свете жить.
Подснежник в Свете свою смерть нашел –
От Солнца умирает
(здесь и далее все цитаты на осетинском языке приводятся в подстрочном переводе автора статьи. – Д. Х.).

В тексте осетинского поэта прослеживается весь жизненный цикл подснежника: пробуждение под снегом от «свиста весны», стремление к солнцу и гибель от его лучей. Цветок демонстрирует бескорыстную отвагу – одно из каноничных качеств, приписываемых ему в фольклоре и художественной литературе, ведь «именно их, крохотных, но смелых, испугалась зима и сдалась» (Моложавенко, 1993, с. 110). Первый солдат весны, подснежник А. И. Токаева при этом – изнеженный, гордый и самодовольный. Автор наделяет цветок характеристиками, свойственными человеку-первопроходцу, лидеру, стремящемуся к открытиям.

В финальных строфах стихотворения подснежник предстает в образе некоего мифического борца, который отчаянно тянется к Солнцу и Свету. Заглавные буквы в написании слов автором выбраны не случайно, тем самым проводится аналогия с сиянием и откровением Абсолютной истины могучего светила, которому поклонялись поэты-символисты. А любой цветок – двойник огненной звезды, он посвящен в тайну мироздания, ведь «это Солнце вызывает все растения к высоте, / <...> Солнце тайно разжигает жизнотворческий пожар» (Бальмонт, 1912, с. 45). Так и подснежник А. И. Токаева оживает и прорастает к солнцу, пытаясь уподобиться ему, принять в себя его силу.

В поэтике символизма Солнце – один из центральных образов, репрезентирующий двойственность всего сущего: источник знаний, просветления, просвещения, божественного откровения, но при этом огонь страстей, страданий и смерти. Семантическую бинарность демонстрирует и фитознак «подснежник», заключая

в себе зиму и весну, холод и тепло, хрупкость и смелость, нежный аромат и ядовитые семена, он – это воплощенное единство противоположностей: «...цветет в огне, зерно идет во тьму» (Бальмонт, 1912, с. 60). В стихотворении А. И. Токаева, появляясь из промерзшей земли, подснежник возвещает миру о приходе Солнца, являя собой «пример всех великих душевных движений – должного сопротивления, мирной отваги, порыва вверх, скромной важности» (Метерлинк, 2022, с. 268).

Можно проследить в трактовке фитообраза «подснежник» А. И. Токаевым авторскую рецепцию древнегреческой легенды об Икаре: Солнце зовет к жизни подснежник, который, пробившись на поверхность, сгорает в свете, к которому отчаянно стремился.

Каждый цветок как универсальный флорообраз – это «бесконечная анфилада значений» (Горбовская, 2015, с. 261), что подтверждается тем, что в жизненном пути подснежника прозорливый взор поэта предвидит и собственную судьбу. А. И. Токаев – первый в Осетии поэт-символист, новатор национального стихосложения (ввел форму сонета), активный борец за советскую власть (I председатель ревкома Даргавского ущелья), личность, стремящаяся к Свету просвещения, к счастью народа, к революции духа, так и не успев полностью воплотить свои мечты и чаяния: Алихан Инусович покончил с собой в возрасте двадцати семи лет. Токаев сгорел как Подснежник-Икар, а «весна» нового государства стала временем не только расцвета творчества (в 1919–1920 гг. написаны все основные произведения), но и его трагической гибели.

В итоге исследования специфики трактовки флорознака «подснежник» на примере стихотворений К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба и А. И. Токаева можно утверждать, что для лирики символизма семантическая глубина данного флорообраза имеет актуальное значение. Подснежник – это и типичный образ современника (Сологуб), и уникальное поэтическое «Я» автора (Бальмонт, Сологуб); будущий в авангарде весны, подснежник ассоциируется с первооткрывателем, который генерирует в себе свет Разума, Истины и Откровения, что нашло отражение в анализируемых текстах русских и осетинского авторов.

Заключение

Таким образом, приходим к следующим выводам. Флоросимвол «подснежник» в поэзии символизма представляет как традиционные трактовки: смелость, отвага, надежда, чистота и утонченность, так и сугубо авторские: внимание к религиозной коннотации, к антропоморфным качествам.

Эгоцентризм как одна из характерных черт лирики символизма прослеживается во всех трех стихотворениях. Так, у Ф. К. Сологуба подснежник – это личность декадента, тревожного, метущегося, того, кто сознательно озвучивает глубинные вопросы современности перед немой бездной будущего. У К. Д. Бальмонта лирический герой сравнивается с образом Сеятеля, он, как Иисус, собирает в мистический кузов и разбрасывает в мрачном лесу белые комочки-подснежники – слова-откровения, из которых всходят нежные цветы – Серафимы, наделенные очищающим огнем сокровенного знания. У А. И. Токаева подснежник – Икар, он первый борец во имя Света, отважный и гордый предвестник великой Весны. Как мистический герой нового времени, он гибнет во имя новой жизни.

Во флорообразности символизма проецируется дух эпохи колоссальных изменений и сдвигов, основываясь на неомифологизме и эстетике модернизма, рождается сложная, уникальная личность, стоящая перед лицом великих свершений (Декадент Сологуба, Неосеятель Бальмонта, Неоикар Токаева).

Перспективы дальнейшего исследования строятся на продолжении изучения традиций модернизма в осетинской лирике начала XX века с точки зрения межлитературных связей и влияний.

Источники | References

1. Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010.
2. Волшебный мир цветов / сост. Л. Н. Рукавчук. СПб.: МиМ-Экспресс, 1997.
3. Горбовская С. Г. Обновление традиций флорообразности во французской литературе начала XIX века на примере поэзии Альфонса де Ламартина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. 9. 2011. Вып. 2.
4. Горбовская С. Г. Фитоним как литературно художественный образ (от флоротропа к субъективно ассоциативному флорообразу) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9.
5. Жюльен Н. Словарь символов / пер. с франц. С. М. Каюмова, И. Ю. Устьянцевой. Челябинск: Урал LTD, 1999.
6. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Агропромиздат, 1991.
7. Красиков С. П. Подснежник // Красиков С. П. Легенды о цветах. М.: Молодая гвардия, 1990.
8. Легенды и мифы о растениях. Легенды Древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории / сост. Л. М. Мартянова. М.: Центрполиграф, 2014.
9. Метерлинк. М. Разум цветов / пер. в фр. Л. Вилькиной // Метерлинк М. Жизнь пчел. Разум цветов. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022.
10. Моложавенко В. С. Первая улыбка весны // Моложавенко В. С. Тайна красоты: книга о цветах. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Информация об авторах | Author information**Хетагурова Дзерасса Казбековна¹**, к. филол. н.¹ Владикавказский научный центр Российской академии наук**Khetagurova Dzerassa Kazbekovna¹**, PhD¹ Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences¹ dze-khe@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 14.08.2022; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): символизм; подснежник; К. Д. Бальмонт; Ф. К. Сологуб; А. И. Токаев; symbolism; snowdrop; K. D. Balmont; F. K. Sologub; A. I. Tokayev.